

Михаил Александрович Энгельгардт

**Н. Пржевальский, его жизнь
и путешествия**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Э62

Э62 **Энгельгардт М.**
Н. Пржевальский, его жизнь и путешествия / Михаил Александрович Энгель-
гардт – М.: Книга по Требованию, 2022. – 82 с.

ISBN 978-5-521-39199-8

ISBN 978-5-521-39199-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

Дѣтство и юность.

Происхожденіе Пржевальскаго. — Его родители. — Воспитаніе. — Окружающая среда. — Въ гимназій. — Гимназическіе порядки. — Увлеченіе военной службой. — Служба въ полку. — Армейская жизнь. — Переходъ въ Академію. — Служба въ Польшѣ. — Мечты о путешествіи и переходъ въ Варшаву.

Во второй половинѣ XVI столѣтія запорожець Корнило Паровальскій поступилъ на службу къ полякамъ, принявъ фамилію Пржевальскаго и, отличившись во многихъ битвахъ, получилъ шляхетство, гербъ и имѣнія.

Потомки его перешли въ католичество, но одинъ изъ нихъ, Казиміръ Пржевальскій, бѣжалъ изъ іезуитской школы, въ которой воспитывался, и вернулся къ православію, принявъ имя Кузьмы.

Его сынъ, Михаилъ Кузьмичъ, отецъ знаменитаго путешественника, служилъ въ русской арміи, усмирять польскихъ мятежниковъ въ 1832 году, а четыре года спустя вышелъ въ отставку вслѣдствіе разстроеннаго здоровья и поселился у отца, управлявшаго имѣніемъ въ Ельнинскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи. Тутъ познакомился онъ съ сосѣдями — богатой семьей нѣкихъ гг. Каретниковыхъ, младшая дочь которыхъ, Елена Алексѣевна, дѣвушка красивая, умная, энергичная и настойчивая, сильно ему полюбилась.

Отставной поручикъ, бѣдный, болѣзненный и некрасивый (онъ былъ высокаго роста, худой, блѣдный, съ мутными глазами и колтуномъ на головѣ) не могъ назваться завиднымъ женихомъ. Тѣмъ не менѣе увлеченіе было взаимнымъ, и родители Елены Алексѣевны, возмущившіеся было притязаніями Пржевальскаго и отказавшіе ему отъ дома, въ концѣ концовъ уступили и согласились на бракъ, который и состоялся въ 1838 году.

Сначала молодые жили въ имѣніи Каретниковыхъ Кимбаровѣ, гдѣ у нихъ родился—31 мая 1839 года—сынъ Николай, будущій изслѣдователь Азіи; потомъ переселились въ усадьбу Отрадное, принадлежавшую Еленѣ Алексѣевнѣ. Здѣсь провелъ свое дѣтство нашъ знаменитый путешественникъ—въ средѣ, не особенно благопріятствовавшей духовному развитію.

Родители его стояли вдалекѣ отъ умственного движенія своей эпохи; это было довольно заурядное помѣщичье семейство стараго закала—скромное, честное, благочестивое, съ весьма ограниченнымъ кругомъ интересовъ. Объ отцѣ мы знаемъ немного: онъ былъ «человѣкъ практичный и рѣшительный»; дѣти его не помнили: онъ умеръ въ 1846 году, когда старшему сыну не исполнилось еще восьми лѣтъ. Мать — женщина характера твердаго и крутого — вела домъ и хозяйство по старинѣ. Состояніе ея — около 1000 десятинъ земли и 105 душъ крестьянъ—давало возможность вести сытую, но скромную жизнь. По смерти мужа она осталась полновластной хозяйкой; вторымъ лицомъ послѣ барыни была нянька Макарьевна, она же ключница и экономка — типъ не разъ изображавшійся въ нашей литературѣ: преданная до самозабвенія господамъ, сварливая и злая для своей братии—крѣпостныхъ. Пуще всего допекала она дворовыхъ дѣвушекъ, строго наблюдая за ихъ поведеніемъ (сама она осталась незамужней) и допоса барынѣ въ случаѣ «грѣха». Виновную выдавали за перваго попавшагося мужика — по уставу старопомѣщичьей морали.

Она смотрѣла за паничами, баловала ихъ, подкармливала сластями и яблоками, рассказывала сказки и т. д. «Изъ всѣхъ сказокъ — говоритъ Пржевальскій — особенно нравился мнѣ, мальчику непокорному и шаловливому, «Иванъ, великій охот-

никъ»; бывало какъ только закапризничаю, нянька и говоритъ: хочешь я разскажу тебѣ объ Иванѣ великомъ охотникѣ, и я тотчасъ стихаю».

Пржевальскій любилъ ее и со свойственнымъ ему постоянствомъ въ привязанностяхъ сохранилъ эту любовь втеченіе всей жизни. Онъ не замѣчалъ ея злостнаго отношенія къ окружающимъ, но высоко цѣнилъ ея неллищемѣрную преданность господамъ, какой не встрѣтишь «въ нынѣшнее огульно-развратное время», какъ онъ выражался.

«Росъ я въ деревнѣ дикаремъ — разсказываетъ онъ — воспитаніе было самое спартанское, я могъ выходить изъ дома во всякую погоду». Дѣти мокли подъ дождемъ, бѣгали по снѣгу, гуляли одни въ лѣсу, гдѣ водились и медвѣди, лазили по деревьямъ — вообще пользовались большою свободой. Но и потачки имъ не давалось; мать относилась къ нимъ очень строго; розги играли выдающуюся роль въ ея педагогіи, и будущему путешественнику досталось ихъ не мало: онъ уродился порядочнымъ сорванцомъ, и за свои проказы получалъ неукоснительное воздаяніе по предписаніямъ Домостроя. Это впрочемъ не портило семейныхъ отношеній; напротивъ, Пржевальскій нѣжно любилъ свою мать и всегда вспоминалъ о ней съ благодарностью. Она да нянька Макарьевна — едва ли не единственныя женщины, къ которымъ онъ — заклятой женоненавистникъ — относился съ искреннимъ уваженіемъ.

Воспитаніе и окружающая среда имѣютъ большее или меньшее значеніе для человѣка въ зависимости отъ его врожденныхъ свойствъ. Одни поддаются вѣшнимъ влѣяніямъ легче, другіе труднѣе; Пржевальскій принадлежалъ къ числу послѣднихъ. Натура стойкая, неподатливая, упорная — онъ съ юныхъ лѣтъ обнаруживалъ замѣчательную самостоятельность и всегда былъ «самъ по себѣ». Но и самыя неподатливыя люди не могутъ вполнѣ освободиться отъ вѣшнихъ влѣяній. «Спартанское воспитаніе» не прошло для него безслѣдно: нѣкоторая грубоватость характера и понятій, непріятно поражавшая многихъ, кто сталкивался съ нимъ впоследствии, развилась подъ вліяніемъ грубой среды.

На пятомъ году засадили его за ученіе въ день пророка Наума, 1-го декабря, потому что «пророкъ Наумъ наста-вляеть на умъ». Учителемъ былъ дядя Павелъ Алексѣевичъ, братъ Елены Алексѣевны, промотавшій собственное имѣніе и пріютившійся у сестры. Человѣкъ безпечный и страстный охотникъ, онъ представлялъ легкомысленный элементъ въ ихъ суровой, ветхозавѣтной семьѣ, но имѣлъ благотворное вліяніе на своихъ питомцевъ (Николая Михайловича и его брата Владиміра), обучая ихъ не только грамотѣ и французскому языку, но также стрѣльбѣ и охотѣ. «Сначала стрѣлялъ я изъ игрушечнаго ружья жолудями, рассказываетъ Пржевальскій—потомъ изъ лука, а лѣтъ 12 получилъ настоящее ружье. Руководителемъ въ охотѣ былъ мой дядя, Павелъ Алексѣевичъ Каретниковъ, который помимо охоты имѣлъ другую страсть — запивалъ время отъ времени, и тогда на охоту не ходилъ». Подъ его вліяніемъ развивалась въ мальчикѣ рано пробудившаяся любовь къ природѣ, превратившаяся наконецъ въ истинную страсть и создавшая изъ него путешественника-натуралиста.

Года черезъ два стали приглашать учителей-семинаристовъ, которые впрочемъ плохо удовлетворяли своему назначенію и часто мѣнялись. Наконецъ попался сносный менторъ, подготовившій мальчиковъ въ училище.

Мать хотѣла отдать ихъ въ кадетскій корпусъ, но когда это не удалось, отправила въ Смоленскъ, гдѣ они были приняты во второй классъ гимназіи.

Въ Смоленскѣ вели они очень скромную жизнь, помѣщаясь на квартирѣ, стоившей два рубля въ мѣсяцъ, подъ присмотромъ крѣпостного «дядьки» Игната, который водилъ ихъ въ гимназію и сопровождалъ на прогулкахъ.

Николай Пржевальскій былъ хорошій товарищъ, но близкихъ друзей не имѣлъ. Сверстники невольно подчинялись его вліянію; онъ былъ коноводомъ своего класса. Онъ всегда заступался за новичковъ — черта, свидѣтельствующая не только о великодушій, но и о независимомъ характерѣ: въ то время травля новичковъ считалась какъ бы священной обязанностью; надо же «отшлифовать» парня, разсуждали това-

рици... Но Пржевальскій, какъ мы сказали, былъ самъ по себѣ.

Ученье давалось ему легко: онъ обладалъ изумительной памятью—качество очень важное при тогдашней системѣ преподаванія. Нелюбимымъ предметомъ его была математика, но и тутъ выводила память: «ему всегда ясно представлялась и страница книги, гдѣ былъ отвѣтъ на заданные вопросы, и какимъ прифтоомъ она напечатана, и какія буквы на геометрическомъ чертежѣ, и самыя формулы со всѣми ихъ буквами и знаками».

Живое воображеніе и феноменальная память опредѣляли весь складъ его ума. Онъ, какъ самъ выражался, мыслилъ образами. Сужденія его о тѣхъ или другихъ явленіяхъ складывались непосредственно, интуитивно; онъ скорѣе смотрѣлъ и видѣлъ, чѣмъ думалъ и заключалъ. Ясный и здравый умъ помогалъ ему быстро ориентироваться и схватывать сущность явленія; книги и письма его полны мѣткихъ замѣчаній, блестящихъ характеристикъ; но полагаясь на первое впечатлѣніе, онъ перѣдко впадалъ въ поверхностныя сужденія, образчики которыхъ увидимъ ниже.

Какъ противовѣсъ слишкомъ одностороннему развитію памяти и воображенія, было бы полезно развитіе склонности къ отвлеченному мышленію, но гимназія не могла оказать вліянія въ этомъ отношеніи.

Вакаціи, тянувшіяся очень долго, съ мая до октября и даже ноября, мальчики проводили дома въ Отрадномъ. Они помѣщались съ дядей во флигелѣ, куда приходили только на ночь, проводя весь день на охотѣ и рыбной ловлѣ. Это была безспорно полезнѣйшая часть въ воспитаніи будущаго путешественника. Подъ вліяніемъ жизни въ лѣсу, на воздухѣ, закалялось и крѣпло здоровье; развивалась энергія, неутомимость, выносливость, изоцрѣялась наблюдательность; росла и укрѣплялась любовь къ природѣ, придавшая всей его жизни такую своеобразную окраску.

За то книжная сторона его воспитанія сильно хромала. Литературу въ домѣ его родителей замѣняли лубочныя изданія, покупаемыя у коробейниковъ. Въ числѣ прочей дребедени по-

палась ему книжка «Войнѣ безъ страха», сыгравшая немало-важную роль въ его жизни. «Написанная прекраснымъ языкомъ» и рисовавшая воинскія добродѣтели самыми яркими красками, она произвела на него глубокое впечатлѣніе. Рассказы о севастопольскихъ подвигахъ тоже кружили ему голову, и въ концѣ концовъ онъ рѣшился поступить въ военную службу.

Гимназическое воспитаніе кончилось въ 1855 году, когда Пржевальскому исполнилось всего 16 лѣтъ.

Лѣто провелъ онъ въ деревнѣ, занимаясь охотой и рыбной ловлей, а осенью долженъ былъ отправиться въ Москву и поступить въ полкъ.

Въ тѣ времена это было цѣлое путешествіе, къ которому готовились заблаговременно: ладили экипажи, закупали необходимыхъ вещи и т. д.

Какъ ни мечталъ Пржевальскій о военныхъ подвигахъ, но разставаться съ родительскимъ домомъ было ему тяжело. Въ послѣдніе дни передъ отъѣздомъ онъ сильно тосковалъ.

«Наконецъ наступила роковая минута. Меня позвали къ матери; я вошелъ въ залу. У большого образа теплилась лампада, а на колѣняхъ передъ нимъ молилась моя мать. Въ углу стояла няня, нѣсколько дворовыхъ, и всѣ плакали. «Станьте здѣсь и молитесь,—обратилась ко мнѣ и брату мать. Мы молча исполнили ея приказаніе. Глубокая тишина водворилась въ комнатѣ, изрѣдка прерываемая тяжелыми вздохами. Наконецъ мать встала и взяла образъ; я подошелъ къ ней.—«Да сохранить тебя Господь Богъ во всей твоей жизни»,—сказала она и начала благословлять. Этой минуты не вынесла моя переполненная душа. Долго сдерживаемыя слезы разомъ брызнули изъ глазъ, и я заплакалъ какъ ребенокъ.

«Прощай, мой голубчикъ»,—сказала, поцѣловавъ меня, старая няня.—«Прощайте, баринъ, прощайте! дай Богъ вамъ счастья!»—слышалось со всѣхъ сторонъ. Да, это была минута тяжкаго испытанія; я не забуду ее никогда» (Пржевальскій. Воспоминанія охотника).

По приѣздѣ въ Москву Пржевальскій поступилъ унтеръ-офицеромъ въ Рязанскій пѣхотный полкъ.

Вскорѣ послѣ этого онъ былъ переведенъ прапорщикомъ въ Полоцкій пѣхотный полкъ, стоявшій въ г. Бѣломъ, Смоленской губ. Онъ скоро разочаровался въ военной жизни. Окружающая среда тяготила его: недовольство, которое она возбуждала въ немъ, усиливало его любовь къ природѣ, къ одинокой и привольной жизни среди лѣсовъ. Жажда дѣла разумнаго и плодотворнаго не оставляла его, но гдѣ найти это дѣло? Куда приложить свои силы? Полковая жизнь не давала отвѣта на вопросы — и Пржевальскій снова обращался къ природѣ, уходилъ въ лѣсъ, проводилъ все свободное время на охотѣ, заинтересовался собираніемъ растений и начиналъ мечтать о путешествіяхъ. Такъ обстановка вырабатывала изъ него будущаго вѣчнаго странника.

Съ другой стороны грубость и низменность окружающаго общества не могла не развивать въ немъ извѣстнаго презрѣнія къ людямъ. Онъ приучался къ мысли, что это грубое и дикое стадо, для котораго необходимы кулакъ и палка.

«Я невольно задавалъ себѣ вопросъ: гдѣ же нравственное совершенство человѣка, гдѣ безкорыстіе и благородство его поступковъ, гдѣ тѣ высокіе идеалы, передъ которыми я привыкъ благоговѣть съ дѣтства? И не могъ дать себѣ удовлетворительнаго отвѣта на эти вопросы, и каждый мѣсяцъ, можно сказать, каждый день дальнѣйшей жизни убѣждалъ меня въ противномъ, а пять лѣтъ, проведенные на службѣ, совершенно перемѣнили прежніе мои взгляды на жизнь и человѣка». (*Воспоминанія охотника*).

Ему приходилось такъ горько, что по временамъ онъ уходилъ въ лѣсъ и плакалъ.

Поддержкой въ этомъ тяжеломъ положеніи являлась, кромѣ любви къ природѣ, переписка съ матерью и случайныя побывки въ родномъ домѣ. Матери онъ писалъ очень часто, со-

общая ей о всѣхъ мелочахъ своей военной жизни. То, что было хорошаго въ его спартанскомъ воспитаніи: нѣжная любовь матери, сознаніе долга, твердость въ исполненіи обязанностей, которыя она старалась привить дѣтямъ,—оказали здѣсь благотворное вліяніе.

Матеріальное положеніе Пржевальскаго было непривлекательно—особенно въ первое время службы. Собственныхъ денегъ имѣлось мало, а содержали юнкеровъ плохо.

Но матеріальныя невзгоды еще не такъ угнетали его, какъ нравственная неудовлетворенность. Долго онъ терпѣлъ ее, утѣшаясь охотой и чтеніемъ—преимущественно историческихъ книгъ и путешествій; но наконецъ рѣшился выйти изъ своего безотраднaго положенія.

«Прослуживъ пять лѣтъ въ арміи, протаскавшись въ караулы и по всевозможнымъ гауптвахтамъ, и на стрѣльбу со взводомъ, я наконецъ ясно созналъ необходимость измѣнить подобный образъ жизни и избрать болѣе обширное поприще дѣятельности, гдѣ бы можно было тратить трудъ и время для разумной цѣли. Однако эти пять лѣтъ не пропали для меня даромъ. Не говоря уже о томъ, что они измѣнили мой возрастъ съ 17 на 22 года и что въ продолженіе этого періода въ моихъ понятіяхъ и взглядахъ на жизнь произошла огромная перемѣна—я хорошо понималъ и изучилъ то общество, въ которомъ находился».

Онъ просилъ начальство о переводѣ на Амуръ, но вмѣсто отвѣта былъ посаженъ на трое сутокъ подъ арестъ. Тогда онъ рѣшился поступить въ Николаевскую Академію Генеральнаго Штаба. Для этого нужно было сдать экзаменъ по военнымъ наукамъ, и Пржевальскій ревностно принялся за книги, просиживая надъ ними часовъ по 16 въ сутки, а для отдыха отправляясь на охоту. Великолѣпная память помогла ему справиться съ предметами, о которыхъ онъ раньше не имѣлъ понятія. Только математика да уставы внушали ему нѣкоторое опасеніе. Тѣмъ не менѣе, просидѣвъ около года надъ книгами, онъ отправился въ Петербургъ попытать счастья.

Это былъ первый шагъ впередъ отъ жалкаго прозябанія въ армейскомъ полку къ славной и плодотворной карьерѣ знаме-

нидаго путешественника. Конечно до нея было еще далеко, но все же поступленіе въ Академію явилось переломомъ въ жизни Пржевальскаго.

* *
*

Въ Петербургъ онъ поѣхалъ налегкѣ, занявъ у одной знакомой 170 р. съ обязательствомъ возвратитъ 270. Къ его великому ужасу на экзаменъ въ Академію явилось 180 человекъ; онъ уже рѣшилъ, что провалится; но не смотря на сильную конкуренцію былъ принятъ однимъ изъ первыхъ: большинство явившихся оказались плохо подготовленными.

Живя въ крайне стѣсненномъ матеріальномъ положеніи — перѣдно впроголодь — онъ сторонился отъ товарищей, не примыкалъ ни къ какому кружку и распредѣлялъ время между посѣщеніемъ лекцій и чтеніемъ книгъ по исторіи и естествознанію.

Военными науками онъ вовсе не интересовался, но на экзаменахъ выводила его счастливая память. Прочитавъ книгу, онъ могъ цитировать слово въ слово цѣлыя страницы, и притомъ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того какъ книга была прочитана. Однажды впрочемъ ему чуть не пришлось распрощаться съ Академіей. Посланный лѣтомъ на съемку въ Боровской уѣздъ, онъ занимался все время охотой; съемка оказалась плохой, и только блестящіе отвѣты на устныхъ экзаменахъ спасли его отъ исключенія.

Въ это же время началась его литературная дѣятельность. Нуждаясь въ деньгахъ, онъ написалъ статейку «*Воспоминаній охотника*», которая была напечатана въ «*Журналь Охоты и Коннозаводства*». Денегъ за нее онъ не получилъ, но былъ несказанно радъ, что статья явилась въ печати.

Вторымъ литературнымъ дѣтищемъ его было: «*Военно-статистическое обозрѣніе Приамурскаго края*». Статья эта, компилятивная и написанная на заданную тему, отличалась однако такими достоинствами, такимъ добросо-

вѣстнымъ и основательнымъ изученіемъ источниковъ, что обратила на себя вниманіе Географическаго Общества, которое избрало Пржевальскаго своимъ дѣйствительнымъ членомъ.

Въ 1863 году, въ началѣ польскаго возстанія, офицерамъ старшаго курса Академіи было объявлено, что тотъ, кто пожелаетъ отправиться въ Польшу, будетъ выпущенъ на льготныхъ основаніяхъ. Въ числѣ желающихъ оказался и Пржевальскій. Въ іюлѣ 1863 года онъ былъ произведенъ въ поручики и назначенъ полковымъ адъютантомъ въ свой прежній Полоцкій полкъ.

Въ Польшѣ онъ принималъ участіе въ усмиреніи мятежа, но кажется больше интересовался охотой и книгами. Охотничья страсть едва не сыграла съ нимъ злую шутку; увлекшись преслѣдованіемъ какой-то дичи, онъ попалъ однажды въ шайку повстанцевъ и еле успѣлъ ускокать отъ нихъ.

Среди офицеровъ онъ пользовался большимъ уваженіемъ за свой прямодушный, рыцарскій характеръ; но и здѣсь держался особнякомъ.

Вообще, стремленіе къ одиночеству было у него всегда, начиная съ гимназіи и кончая послѣдними годами жизни. Не нравились ему суета, шумъ и дразги общественной жизни; стѣсненія, которыя она налагаетъ; наконецъ и характеръ его, повелительный и нелишенный властолюбія и нетерпимости, препятствовалъ слишкомъ тѣсному сближенію съ людьми. Онъ былъ отличный товарищъ, радушный хозяинъ, надежный вождь, заботливый патронъ, но окружалъ себя только такими лицами, надъ которыми могъ господствовать.

Въ свободное время онъ усердно занимался, читалъ, изучалъ зоологію и ботанику и мечталъ о путешествіи. Въ то время его занимала Африка—классическое поприще знаменитыхъ путешественниковъ. Подвиги Ливингстоновъ и Бэккеровъ кружили ему голову. Но до Африки было далеко, да и вообще путешествіе казалось несбыточной мечтой безвѣстному офицеру, безъ имени, безъ средствъ, безъ протекціи. Пока что,—приходилось искать поприща поскромнѣе. Жить въ провинціи ему не хотѣлось: недостатокъ средствъ и учебныхъ пособій давалъ себя чувствовать все сильнѣе и сильнѣе по мѣрѣ того, какъ инстин-